

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМЕ «КРУГЛОГО СТОЛА» ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО», «ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ» НА ТЕМУ «СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ»¹

© 2019 г. А. В. Малько^{1, *}, В. А. Авдеев^{2, **},
Н. В. Кроткова^{3, ***}, С. В. Розенко^{2, **}

¹ Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

² Юридический институт Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск

³ Институт государства и права Российской академии наук, Москва;

Журнал «Государство и право» Российской академии наук, Москва

*E-mail: i_gp@ssla.ru

**E-mail: vadim.avdeevich@mail.ru

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

****E-mail: rozenko_sv@mail.ru

Поступила в редакцию 06.07.2018 г.

Приведен обзор Международной научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» на тему «Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях», которая состоялась 21 мая 2018 г. в Юридическом институте Югорского государственного университета. Актуальность публикации данных материалов обусловлена значением стратегических направлений противодействия преступности в условиях глобализации международной жизни. Цель «круглого стола» — анализ состояния, структуры и динамики преступности на региональном, национальном и транснациональном уровнях, разработка и реализация конструктивных предложений по модернизации, оптимизации и гармонизации мер противодействия преступности.

Участники «круглого стола» обсудили различные подходы государственно-правовой политики в сфере противодействия преступности на региональном, национальном и субнациональном уровнях. В выступлениях обосновываются роль и значение мер уголовно-правового и организационно-практического характера, приводятся наряду с критическими замечаниями новые предложения по развитию уголовно-правовой политики в сфере профилактики, предупреждения и противодействия конкретным видам преступности. Обращается особое внимание на практическую значимость решаемых вопросов и проблем.

Ключевые слова: правовая политика, уголовная политика, преступность, предупреждение преступности, уголовное наказание, меры уголовно-правового характера.

DOI: 10.31857/S013207690004448-4

21 мая 2018 г. научной школой Юридического института Югорского государственного университета была проведена Международная научно-практическая конференция

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения научного исследования за счет средств гранта № 13–01–20/14 «Стратегические направления совершенствования мер противодействия преступности в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре с учетом особенностей северного региона» на проработку научных идей для научных коллективов по приоритетным направлениям научных исследований федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет».

в форме «круглого стола» на тему «Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях». Модераторами мероприятия выступили главный редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь», д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А. В. Малько, директор Юридического института Югорского государственного университета, канд. юрид. наук, доц. С. В. Розенко и руководитель научной школы Юридического института Югорского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. В. А. Авдеев.

Тема конференции инспирирована особым вниманием научных кругов и законодательных органов государственной власти к проблеме противодействия преступности

в условиях глобализации. Негативные изменения состояния, структуры и динамики преступности на транснациональном, внутригосударственном и региональном уровнях признаются одной из реальных угроз государственной и общественной безопасности, что обуславливает необходимость разработки и реализации стратегических направлений противодействия преступности.

В работе конференции приняли участие ведущие российские и зарубежные специалисты в области уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права, работники правоохранительных органов, судебной системы Российской Федерации, представители общественности, заинтересованные и обеспокоенные проблемами, связанными с противодействием преступлениям, совершаемым в России и за рубежом.

В рамках секции **«Российский и зарубежный опыт противодействия преступности на транснациональном уровне»** участники конференции, поддерживая стремление международного сообщества к разработке научно-обоснованных и практико-ориентационных мер по повышению эффективности действующего механизма противодействия отдельным видам преступлений, высказали мнение относительно основных направлений модернизации уголовно-правовой политики по обеспечению общественной и государственной безопасности.

В.А. Сергеев, директор Центра прикладного уголовного правосудия, профессор Школы правоохранения и управления юстицией Западного Иллинойского университета (г. Макombs, штат Иллинойс, США), дал оценку современным угрозам национальной безопасности. Ключевым вопросом в ходе обсуждения стало раскрытие эффективности мер, осуществляемых в целях противодействия экономической и политической коррупции. Было отмечено, что в настоящее время в Соединенных Штатах Америки актуализируется задача налаживания международного сотрудничества с государствами, заинтересованными в противодействии коррупции на транснациональном уровне, систематизации национальной правовой системы, включая взаимодействие норм отраслевого законодательства, обеспечивающих угнетение коррупции. На национальном уровне в США положительной оценки заслуживает регламентация уголовной ответственности за коррупционные деяния публичных служащих, связанные с вознаграждением, в том числе со стороны лиц, находящихся в их юрисдикции. Примечательно то, что уголовное законодательство США концентрирует внимание на таких видах взяточничества, как взяточничество в сфере коммерческой деятельности, в области деятельности профессиональных союзов, а также дестабилизирующее деятельность администрации власти и сопряженное с деятельностью спортивных функционеров. Помимо данной специфики пристального внимания заслуживает дифференциация образующих коррупцию как социально-правовое явление сделок. Указанные сделки между коррупционером и коррупционером могут носить многоплановый характер, в том числе в форме двусторонней сделки, осуществляемой в связи с выгодностью для обеих участвующих сторон; вымогательства незаконного вознаграждения; подкупа посредством активного воздействия корруптера на коррупционера. Таким образом, современные тенденции противодействия коррупции в США характеризуются спецификой антикоррупционного национального законодательства.

Выступление **В.А. Авдеева**, д-ра юрид. наук, проф., профессора кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Югорский

государственный университет» (Ханты-Мансийск), было посвящено осмыслению ключевых направлений противодействия международной коррупционной преступности, характеризующейся интеграцией в органы государственной власти и местного самоуправления, государственного и частного сектора экономики и социальной сферы. Актуальность этой проблемы подтверждается данными международного аудита коррупции, в основу которого положено исследование эффективности национального механизма противодействия коррупции. В 1995 г. лидером среди проиндексированных 41 государства мира была признана Новая Зеландия (9.55 балла). Россия, впервые в 1996 г. принявшая участие в международном аудите, набрала в указанном рейтинге 2.58 балла, заняв 47-е место из 54 государств, проявивших заинтересованность в реализации антикоррупционной политики. Изменение в 2012 г. индекса восприятия коррупции с 10-балльной на 100-балльную шкалу исчисления, по существу, не отразилось на показателях принимающих участие в международном аудите 176 государств. Дания, Финляндия и Новая Зеландия (лидирующая группа стран) в 2012 г. сохранили приоритетные позиции как наиболее эффективно осуществляющие государственную политику в сфере угнетения коррупции, возглавив международный рейтинг (90 баллов). Россия заняла 133-е место, набрав 28 баллов.

Ключевые проблемы противодействия международной коррупции нашли отражение в резолюциях 6/1–6/8, принятых в ходе проведенной в Санкт-Петербурге 2–6 ноября 2015 г. конференции 86 государств — участников данной Конвенции. В указанных резолюциях особой детализации подлежали принципы Конвенции 2003 г., направленные на противодействие международной коррупции в публичном и частном секторах экономики и управления. Во избежание утраты ВВП, увеличения дефицита бюджета представляется целесообразным увеличение диапазона открытости производственной экономической деятельности.

Вместе с тем рейтинг стран мира по индексу верховенства закона за 2016 г. продемонстрировал ведущие позиции государств Дании (0.89), Норвегии (0.88), Финляндии (0.87), Швеции и Нидерландов (0.86), Германии, Австрии, Новой Зеландии (0.83), Сингапура (0.82), Великобритании, Австралии, Канады (0.81). Россия, индекс которой составил 0.45, заняла 92-е место из 113 принявших участие в международном аудите государств. Согласно оценкам международных экспертов «Transparency International», исследовавших по рейтингу РБК в 2016 г. более 200 крупнейших российских компаний, показатель прозрачности осуществляемой ими деятельности составил 2.6 балла из 10 возможных.

В рейтинге 2017 г. показатели индекса восприятия коррупции сохранили прежние тенденции. Россия заняла 135-е место из 180 государств мира (29 баллов).

В настоящее время пристальное внимание государств сконцентрировано на противодействии одной из форм проявления международной коррупции, связанной с незаконным обогащением. Актуализируется проблема разработки скоординированных мер по возвращению активов незаконного происхождения и доходов от преступлений. Внимания заслуживает консолидация средств по оказанию взаимной правовой помощи, содействующей выявлению, замораживанию и конфискации данных активов, их изъятию и возвращению в страну происхождения. Учитывая позицию Международного центра по возвращению активов, надлежащей разработки требуют вопросы, возникающие при

проведении расследований и уголовного преследования в рамках юрисдикции нескольких государств в силу трудностей в раскрытии транснационального подкупа и других преступлений, выявлении движения коррупционных доходов и предоставлении соответствующей информации. Развитие международного сотрудничества по предупреждению коррупции актуализирует деятельность государств по обмену надлежащей информацией и принятие координационных мер относительно регламентации правомочий как компетентных органов, непосредственно обеспечивающих реализацию функций по уголовному преследованию, так и специализированных органов, в том числе подразделений финансовой разведки и др., позволяющих «наращивать знания по управлению, использованию и распоряжению замороженными, арестованными, конфискованными и изъятыми активами».

Ш.Т. кызы Самедова, д-р юрид. наук, заместитель декана юридического факультета Бакинского государственного университета, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Азербайджанская Республика), акцентировала внимание на проблемах эффективности уголовного наказания. Анализу подлежала специфика назначения штрафа по Уголовному кодексу Азербайджанской Республики. Штраф как основное наказание может назначаться в случаях, когда он указан в санкции статьи Особенной части УК АЗР 1999 г.; назначается в качестве более мягкого наказания, чем предусмотрено в законе (ст. 62); применяется в порядке замены неотбытой части наказания более мягким (ст. 77).

Анализ Особенной части УК АЗР 1999 г. показал, что штраф как основной вид наказания предусмотрен в санкциях около 40% норм. Штраф превалирует в санкциях норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 24) и экологические преступления (гл. 28). Наибольшее количество санкций, предусматривающих штраф, приходится на гл. 21 (преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина). Штраф как дополнительное наказание может быть назначен только в случае, если он прямо указан в санкции Особенной части УК АЗР (ст. 43.3).

Проблема состоит в том, что одновременное нахождение штрафа в качестве основного и дополнительного наказания в одной и той же санкции статьи недопустимо. Законодатель Азербайджанской Республики в двух случаях нашел возможным построить такую конструкцию санкций статей Особенной части УК, когда штраф был предусмотрен в качестве как основного, так и дополнительного наказания. Например, до внесения последних изменений в УК АЗР в декабре 2017 г. в альтернативной санкции ст. 194.1 (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем) штраф предусматривался в качестве как основного, так и дополнительного вида наказания. Подобным образом была построена и конструкция ст. 303.2 (незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту, или подлежащего конфискации) Кодекса.

В санкциях целого ряда статей Особенной части действующего УК АЗР «даже самые мягкие виды уголовных наказаний предусмотрены в альтернативе с наиболее суровыми видами наказаний». На наш взгляд, включение в альтернативную санкцию таких противоположно расположенных в системе наказаний видов преступления, как штраф (ст. 42.0.1) и лишение свободы (ст. 42.0.12), продиктовано стремлением усилить общепредупредительное воздействие подобных санкций. Последовательность расположения видов наказания в санкциях статей УК АЗР соответствует

существующей системе наказаний: виды наказаний в альтернативных санкциях перечислены по принципу от менее строгого к более строгому виду наказания. Таким образом, во всех альтернативных санкциях, в которых предусмотрен штраф, этот вид наказания назван первым. Распоряжение Президента Азербайджана от 10 февраля 2017 г. «Об упорядочении деятельности в пенитенциарной сфере, гуманизации политики наказания и расширении применения альтернативных видов наказания и процессуальных мер принуждения, не связанных с изоляцией от общества» позволит в будущем более широко применять к осужденным наказание в виде штрафа.

А.Б. Скаков, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан), обстоятельному анализу подверг актуальные направления совершенствования уголовно-исполнительной политики Казахстана по реализации исправления осужденных, профилактике преступности, социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Согласно Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г. (утв. Указом Президента РК от 24.08.2009 г. № 858) принят Закон «О пробации» с целью создания необходимых условий для социальной реабилитации и адаптации лиц, оказавшихся в сфере криминального судопроизводства. В правоохранительной деятельности Республики Казахстан имеется опыт реализации отдельных видов института пробации, в первую очередь так называемых «приговорной» и «постпенитенциарной». Особенность рассматриваемого правового института заключается в том, что отсутствует единое общепринятое его понимание. Пробация в рамках континентальной системы (от англ. *probation* — испытание) рассматривается как вид условного осуждения, при котором осужденный помещается на время испытательного срока, установленного судом, под надзор специальных органов. При этом возможен и ряд дополнительных ограничений (не посещать определенных мест, воздерживаться от общения с определенными лицами и т.п.). В законодательстве США и Англии простая отсрочка (условное осуждение) и отсрочка осложненная (пробация) были закреплены в качестве самостоятельных санкций. В одних государствах законодатель определяет условное осуждение как наказание (например, Швеция, Финляндия, Латвия), в других — относит к иным мерам уголовно-правового характера (Англия, Дания), в третьих — связывает применение этой меры с освобождением от наказания (например, Эстония), а в некоторых странах вообще не обозначает природу данного института (США). Несмотря на особенности законодательного оформления, суть условного осуждения — отложить исполнение наказания за совершенное преступление под определенным условием, если есть основание полагать, что цели наказания могут быть достигнуты без его реального отбытия.

Закон РК «О пробации» содержит понятие пробации, под которым следует понимать «систему видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений». В указанном Законе закреплены четыре этапа эффективной системы пробации: досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная. Внедрение полного цикла пробации обеспечит непрерывность процесса ресоциализации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, которая главным образом влияет на

динамику «тюремного населения» и уровень рецидива, т.е. на повторность совершения преступлений лицами, отбывшими наказание. Актуальным представляется предусмотреть государственные заказы для производственных мощностей пенитенциарных учреждений, а также налоговые преференции для предпринимателей, создающих рабочие места для осужденных, отбывающих наказание, лиц, освобожденных от отбывания наказания, и иных лиц, оказавшихся в сфере уголовного правосудия.

А.В. Шидловский, канд. юрид. наук, доц., доцент Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь), высказал свой взгляд на правила назначения наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, введенные Законом РБ от 05.01.2015 г. № 241-З. Правила смягчения наказания касаются основного вида наказания. Производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, регламентировано в гл. 49–1 УПК РБ. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемый (обвиняемый) вправе заявить после возбуждения уголовного дела и до объявления ему об окончании предварительного расследования. Досудебное соглашение о сотрудничестве не может быть заключено с лицами, совершившими общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, а также по уголовным делам ускоренного производства и в случае, если содействие подозреваемого (обвиняемого) заключается в сообщении сведений лишь о своем участии в преступной деятельности.

Ограничение максимального порога наказания закон связывает с наиболее строгим его основным видом, предусмотренным соответствующей статьей Особенной части УК РБ. В 596 санкциях таким видом основного наказания выступает лишение свободы. В этом случае при выполнении таким лицом обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, смертная казнь не применяется. Ему может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения или лишения свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РБ. Представляется, что при выполнении обязательств досудебного соглашения лицом, совершившим преступление, за которое уголовным законом предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь, в законе следует сделать оговорку о возможности замены пожизненного заключения на лишение свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РБ. Внедрение в уголовное судопроизводство досудебного соглашения о сотрудничестве направлено на поощрение и стимулирование позитивного посткриминального поведения виновного путём законодательного установления оснований ограничения максимального порога наказания.

В докладе **Энхбадрала Одгэрэла (Административный департамент Национального агентства полиции Монголии, Улан-Батор)** подробному анализу подлежала проблема предупреждения преступности несовершеннолетних. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, существенным удельным весом, занимаемым подростковой преступностью в общей структуре преступности, с другой — необходимостью коренного пересмотра концептуальных подходов к предупреждению фактов противоправного поведения со стороны несовершеннолетних. Основными чертами преступлений несовершеннолетних являются: возрастающая организованность; сплоченность группировок, формирование в них идеологических, аналитических и боевых структур; усиление мер конспирации; применение для

распространения своей идеологии и координации действий новейших информационных и коммуникационных технологий. Большинство преступлений совершаются несовершеннолетними, как правило, в ночное время суток (06.00–14.00 час. — 17%, 14.00–19.00 час. — 25%, 19.00–22.00 час. — 18%, 22.00–06.00 час. — 40%).

Условия и причины преступности среди несовершеннолетних можно разделить на две группы: а) отражающие противоречия социального и экономического состояния; б) связанные с личностными особенностями. Детерминантами преступности несовершеннолетних в Монголии являются следующие факторы. Во-первых, безработица, обнищание семей, неспособность родителей обеспечить детей полноценным питанием и одеждой, неудовлетворительное воспитание детей в семье; распад семей, усугубляемый ростом ранней смертности родителей, влекущим рост сиротства. Монгольский проф. Д. Жанцан установил, что плохое семейное состояние и неправильное обращение с детьми больше всего влияют на несовершеннолетних совершать преступные действия.

Во-вторых, низкий уровень воспитательной работы в школах, неподготовленность педагогических кадров к проведению эффективной воспитательной работы с трудными детьми, неадекватное стимулирование этой деятельности. На эффективности профилактической работы с учащимися общеобразовательных учреждений отрицательно сказывается слабая подготовленность (материальная, кадровая, психологическая и даже методическая) педагогических работников.

В-третьих, разрушение сети государственных организаций, обеспечивающих культурный досуг подростков, коммерциализация в этой области сделали нормой жизни многих подростков бессмысленное времяпрепровождение на улицах, в подъездах, на чердаках и в подвалах. Все это оказывается благотворной почвой для развития употребления спиртного, наркотиков. Согласно опросам две трети подростков употребляют алкоголь регулярно, а доля группы, рискующей быть вовлеченной в среду наркоманов, составляет 15%.

Органы полиции Монголии занимаются профилактикой преступности несовершеннолетних как на общем, так и на индивидуальном уровне. Общая профилактика преступного поведения несовершеннолетних включает в себя меры, основное назначение которых состоит в том, чтобы во всех основных сферах жизнедеятельности несовершеннолетнего выявить и ликвидировать факторы, способствующие антисоциальному и противоправному поведению.

Выступление **О.Г. Никитенко, советника-консультанта Главного управления законодательства и государственного строительства Секретариата Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (Минск),** было посвящено противодействию преступлениям террористического характера. В Республике Беларусь попытка закрепить перечень преступлений террористического характера на законодательном уровне впервые была предпринята в декрете Президента РБ от 21 октября 1997 г. № 21 «О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями», на основании которого основными проявлениями терроризма являются: террористический акт; террористический акт против представителя иностранного государства; диверсия; совершение взрыва, поджога или иных действий, посягающих на общественную безопасность; умышленное убийство лица или его близких в связи с осуществлением им служебной

деятельности или выполнением общественного долга либо совершенное способом, опасным для жизни многих людей; захват заложников; угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, посягающих на общественную безопасность; угроза или насилие по отношению к судье или народному заседателю; угроза или насилие в отношении должностного лица, работника милиции, народного дружинника, военнослужащего или иного лица в связи с выполнением ими служебных обязанностей или общественного долга; угроза совершить хищение радиоактивных материалов или использовать их; угон воздушного судна; заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях, посягающих на общественную безопасность. К преступлениям террористического характера по УК РФ отнесены акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации (ст. 124), нападение на учреждения, пользующиеся международной защитой (ст. 125), акт международного терроризма (ст. 126), акт терроризма (ст. 289), захват заложника (ст. 291), захват зданий и сооружений (ст. 292), угроза опасным использованием радиоактивных материалов (ст. 324); акт терроризма в отношении государственного или общественного деятеля (ст. 359). К преступлениям вспомогательно-террористического характера предлагается отнести такие составы, как финансирование террористической деятельности (ст. 290¹), содействие террористической деятельности (ст. 290²), прохождение обучения или иной подготовки для участия в террористической деятельности (ст. 290³), создание организации для осуществления террористической деятельности либо участие в ней (ст. 290⁴), организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 290⁵). К преступлениям с признаками терроризирования следует причислять угрозу совершением акта терроризма (ст. 290); хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК РФ (ч. 4 ст. 294); незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в целях совершения преступлений, предусмотренных теми же статьями УК РФ (ч. 4 ст. 295); умышленное приведение в негодность транспортного средства или путей сообщения в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 124, 126, 289, 359 и 360 УК РФ (ч. 4 ст. 309); угон либо захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна в целях совершения преступлений, предусмотренных теми же статьями УК РФ (ч. 3 ст. 311); незаконные приобретение, хранение, использование, сбыт либо разрушение радиоактивных материалов в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360 УК РФ (ч. 3 ст. 322); хищение радиоактивных материалов с целью совершения преступлений, предусмотренных теми же статьями УК РФ (ч. 3 ст. 323); незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях совершения преступлений, предусмотренных теми же статьями УК РФ (ч. 2 ст. 333). Предложенная систематизация составов преступлений террористической направленности позволит упорядочить данную совокупность преступных деяний в доктрине уголовного права, а также поспособствует повышению эффективности предупреждения данных преступлений.

В ходе работы второй секции «*Стратегические направления реализации уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере противодействия преступности на федеральном и региональном уровнях*» внимания заслуживает выступление С.В. Розенко, канд. юрид. наук, доц., директора

Юридического института ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (Ханты-Мансийск), который обратил внимание на актуальность развития и совершенствования правовой регламентации дополнительных видов наказаний в российской уголовно-правовой политике, так как в настоящее время наблюдаются кризисные явления при назначении отдельных видов уголовных наказаний, где часть из них не реализуется, а некоторые имеют ограниченный характер. В УК РФ закреплены только пять указанных видов наказаний: штраф, лишение права занимать определенные должности, лишение права заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы (ч. 2 ст. 45) и лишение специального воинского почетного звания, классного чина и государственных наград (ч. 3 ст. 45), которое имеет исключительно дополнительный характер, тогда как другие могут назначаться и как основные виды уголовного наказания. Это свидетельствует об одностороннем подходе при построении системы наказаний и об отсутствии к дополнительным наказаниям должного внимания в российском уголовном законодательстве и теории уголовного права, так как из развернутой структуры данные виды наказания превратились в явное исключение (атавизм). Сложившаяся правовая регламентация дополнительных видов наказаний в УК РФ прежде всего обусловлена процессами формирования российской государственности конца XX – начала XXI в.: принятием Конституции РФ 1993 г. как Основного Закона общества и государства, содержащей значительное количество прав и свобод человека и гражданина; значительным обновлением и реформированием в законодательстве уголовно-правового «элемента» (уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного). Учение об уголовном наказании получило новое содержание и цели, где приоритетными были признаны те виды наказания, которые не связаны с изоляцией осужденного от общества. В значительной мере дополнительные наказания оказались излишними в силу гуманизации и либерализации наказания, а также некоторых политических причин. Поскольку институт наказания в целом развивается как межотраслевая правовая категория, то кризисные проявления наблюдаются и в отдельных элементах уголовного наказания.

Назначение основных наказаний в сочетании с дополнительными в большей мере позволяет осуществить дифференциацию и индивидуализацию наказания лицу, совершившему преступление. Таким образом, создание перечня дополнительных наказаний как самостоятельной подсистемы позволит в какой-то мере достичь целей, поставленных перед уголовным наказанием. Назначение дополнительных видов наказания свидетельствует не столько о последовательном стремлении ужесточить наказуемость лица, совершившего определенное преступное посягательство, сколько предоставить возможность выбора эффективной модели соразмерной меры наказания. Назначая их, в более полной степени возникают условия для достижения целей наказания, так как дополнение в наказании затрагивает отдельные индивидуальные права и блага преступника.

Одним из методов, позволяющих установить самостоятельную модель при назначении видов уголовных наказаний, по мнению С.В. Розенко, может быть установление системы дополнительных наказаний как факультативного элемента, используемого при назначении уголовных наказаний. Закрепление в российском уголовном законодательстве данных видов наказаний позволит в более полной мере назначать составную (делимую) меру наказания; обеспечить её целесообразность; а также создаст условия для её

возможной отмены в случае судебной ошибки или исправления осужденного.

Перечень дополнительных наказаний может быть дополнен теми видами, которые присутствуют в уголовном законодательстве зарубежных стран в силу тождественности криминальных угроз и выработки необходимых мер уголовно-правового противодействия (в частности, выдворение из Российской Федерации, опубликование приговора, запрет на управление транспортным средством, лишение определенных политических прав и др.).

О.А. Авдеева, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ «Восточно-Сибирский институт МВД России» (Иркутск), подвергла анализу криминогенные факторы, детерминирующие рецидивную преступность в Российской Федерации. Отметим наметившуюся в 2017 г. стабилизацию криминогенной ситуации в России, повлекшую снижение на 4.7% общей численности зарегистрированных преступлений, докладчик обозначила высокий показатель числа зарегистрированных преступлений (58.2%), реализованных лицами, ранее совершавшими преступления, а также удельный вес преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, достигший 31.6%.

Внимания заслуживает тенденция неуклонного увеличения доли повторно совершаемых преступлений на протяжении 1997 г. — 33.7%; 1998 г. — 32.9%; 1999 г. — 32.1%; 2000 г. — 29.8%; 2001 г. — 30.1%; 2002 г. — 27.2%; 2003 г. — 27.7%; 2004 г. — 27.7%; 2005 г. — 30.5%; 2006 г. — 29.8%; 2007 г. — 30.1%; 2008 г. — 30.4%; 2009 г. — 32.2%; 2010 г. — 37.1%; 2011 г. — 40.7%; 2012 г. — 46.6%; 2013 г. — 49.6%; 2014 г. — 50.8%; 2015 г. — 51.8%; 2016 г. — 56.7%; 2017 г. — 58.2%. При этом динамика удельного веса ранее судимых лиц, совершивших новые преступления, характеризуется показателями, составившими в: 1997 г. — 28.9%; 1998 г. — 27.9%; 1999 г. — 27.1%; 2000 г. — 28.26%; 2001 г. — 22.3%; 2002 г. — 20.8%; 2003 г. — 21.18%; 2004 г. — 22.57%; 2005 г. — 23.81%; 2006 г. — 23.22%; 2007 г. — 23.23%; 2008 г. — 23.84%; 2009 г. — 23.87%; 2010 г. — 26.47%; 2011 г. — 28.71%; 2012 г. — 32.33%; 2013 г. — 31.8%; 2014 г. — 30.67%; 2015 г. — 28.22%; 2016 г. — 26.87%; 2017 г. — 28.26%.

В 2017 г. к регионам с максимальным удельным весом расследованных преступлений, реализованных лицами, ранее их совершавшими, отнесены Республика Хакасия (72.9%), Томская, Амурская и Кемеровская области (72.0%, 71.1%, 70.9% соответственно). Значительные показатели удельного веса преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, характерны для Севастополя (81.1%), Чеченской Республики (80.1%), Новгородской (67.8%) и Московской (66.7%) областей, Ненецкого АО (64.6%), Ставропольского края (62.3%), Республики Крым (60.8%), Москвы (59.8%).

В результате проведенного анализа было отмечено, что оптимизация уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере противодействия рецидивной преступности предусматривает сбалансированность мер общего и индивидуального предупреждения на допенитенциарной, пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях реализации уголовного правоотношения. Стратегическим направлением индивидуального предупреждения рецидивной преступности на допенитенциарной стадии следует признать повышение эффективности в деятельности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию преступления и неукоснительное соблюдение органами следствия и суда принципа неотвратимости уголовного наказания. Индивидуальному предупреждению рецидивной преступности на

пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях должна содействовать надлежащая практическая реализация намеренных Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. мер, связанных с условиями и порядком исполнения и отбывания наказаний, деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказание, в том числе с повышением эффективности социально-психологической деятельности в исправительных учреждениях, путем проведения мероприятий, включая участие представителей гражданского общества, направленных на социальную адаптацию освобожденных от отбывания наказания.

В выступлении **Е.П. Кима, д-ра юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права Пятого факультета повышения квалификации Института повышения квалификации ФГКОУ «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (Хабаровск)**, были раскрыты основные проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой коррупционных преступлений. Уровень и масштабы существующей в стране коррупции сдерживают экономическое развитие России, негативно отражаются на инвестиционном климате. Данные криминальной статистики, социологических опросов и оценки экспертов показывают, что коррупция проникла практически во все сферы нашей жизни — от государственной службы и правоохранительных органов до здравоохранения, образования, жилищно-коммунальной сферы. Содержание коррупции определяется совокупностью разнообразных деяний (действий или бездействия), выражающихся в незаконном получении имущества, денег, услуг или льгот лицом, уполномоченным на осуществление государственных функций, и т.п. Законодатель не выделяет «коррупционные преступления» в отдельную главу Особенной части УК РФ. Коррупция многогранна и многопланова: сфера бытового обслуживания, образования, государственного управления и т.д. В каждой из указанных сфер имеются свои характерные охраняемые законом общественные отношения, т.е. объекты преступлений. Именно этим обстоятельством объясняется разбросанность коррупционных преступлений по главам Особенной части УК РФ. В частности, наиболее типичные коррупционные преступления сосредоточены в гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». К *собственно коррупционным преступлениям* могут быть отнесены пять видов уголовно наказуемых деяний: 1) злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285); 2) незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289); 3) получение взятки (ст. 290); 4) дача взятки (ст. 291); 5) служебный подлог (ст. 292). Эти преступления указаны в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции». Коррупционное преступление — понятие собирательное, единого характерного признака для всех его составляющих (места, времени, способа, орудия и средств совершения) не имеет.

В докладе **В.Ф. Лапшина, д-ра юрид. наук, доц., начальника кафедры уголовного права Академии ФСИН России (Рязань)**, основное внимание было сосредоточено на дискуссионности подходов к определению экономического преступления. Трудности в конкретизации общественных отношений, на которые направлено экономическое уголовно наказуемое посягательство, носят объективный характер. Преступления против собственности имеют сходный родовый объект с преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина, поскольку защита права собственности гарантирована Конституцией

РФ (ст. 35, 36, ч. 2 ст. 8) и признаётся одним из важнейших экономических прав человека и гражданина. Ввиду провозглашения в Основном Законе гарантии равенства и неприкосновенности любой из форм собственности составы преступлений, предусмотренные нормами гл. 21, не были включены в гл. 19 УК РФ. В противном случае подобное решение привело бы к угрозе нарушения соответствующих прав и законных интересов коммерческих и некоммерческих организаций (объединений), муниципальных образований, субъектов Российской Федерации и государства в целом. Принимая решение о включении гл. 21 в раздел «Преступления в сфере экономики», законодатель руководствовался положениями ч. 1 ст. 34 Конституции РФ: «Каждый имеет право на свободное использование своих возможностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности». Сопоставительный анализ приведённых выше конституционных положений (ст. 34 и 35), а равно соответствующих положений гражданского законодательства, свидетельствует о двойственной природе собственности: она признается как экономической, так и правовой категорией. Исходя из этого, имущество, на которое распространяется право собственности, может выступать и средством производства (экономические отношения; динамическая сторона собственности), и обособленным предметом, на который распространяются правомочия владения, пользования и распоряжения (правовые отношения; статическая сторона собственности). Такая особенность собственности позволила сделать вывод о «практической невозможности четкого, однозначного разграничения преступлений против собственности и так называемых экономических преступлений». Данное мнение подтверждается и решением законодателя: нормы о посягательствах на отношения собственности включены в раздел УК РФ о преступлениях, совершаемых в сфере экономики, но не объединены с преступными посягательствами, совершаемыми в сфере экономической деятельности (гл. 22). Вопрос о содержании и границах категории «экономическое преступление», несмотря на значительное количество проведённых исследований, по-прежнему остаётся неразрешённым. Признание того или иного деяния экономическим преступлением во многом зависит от вида управления экономическими отношениями в государстве. Буквальное толкование наименования разд. VIII УК РФ позволяет утверждать, что к экономическим преступлениям относятся не только посягательства на отношения собственности, осуществление экономической деятельности, охрану интересов службы в коммерческих и иных организациях, но и те деяния, которые предусмотрены нормами иных разделов и глав Особой части УК РФ.

В докладе **Ю.В. Хармаева**, канд. юрид. наук, доц., зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики

юридического факультета Бурятского государственного университета (Улан-Удэ), в качестве глобальной проблемы противодействия преступности отмечены миграционные процессы в условиях кризиса экономико-социальных систем и территориальных (локальных) конфликтов. Миграционные процессы могут быть вызваны национальными, религиозными, экологическими и другими причинами. Миграция оказывает влияние на различные стороны жизни общества, такие как демография, политика, социология, экономика, политика и право. В соответствии с критерием пространственности миграцию можно разделить на внутригосударственную и межгосударственную (связана с пересечением государственной границы). Предусмотрено деление миграционного процесса на следующие элементы: 1) эмиграция — переселение из какой-либо страны в другую, вызываемое различными причинами (экономическими, политическими, религиозными и проч.); 2) иммиграция — въезд иностранцев в какую-либо страну на постоянное жительство; 3) реэмиграция, под которой понимается возвращение на родину лиц, находившихся в эмиграции. Глобальный характер миграции означает, что данный процесс охватил все страны и континенты. Масштабность общемировой миграции — одна из характерных особенностей современности. Стремительное развитие миграционных процессов в мире обуславливает российские власти обратить пристальное внимание на сам процесс миграции, настоятельно требует совершенствовать миграционную политику государства, определиться с концептуальными задачами, принять систему мер и разработать механизмы ее реализации, позволяющих адекватно реагировать на современные вызовы в данной сфере.

В дискуссии активное участие приняли **Л.М. Прокумен-тов**, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета; **А.В. Быков**, канд. юрид. наук, доц., доцент кафедры уголовного права Пятого факультета повышения квалификации Института повышения квалификации ФГКОУ «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (Хабаровск); **А.В. Булыгин**, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (Ханты-Мансийск); **В.В. Вармунд**, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин НОУ ВО «Российская академия адвокатуры и нотариата» (Москва); **Е.А. Киселёв**, канд. юрид. наук, доц., зав. криминалистической лабораторией Пятого факультета повышения квалификации Института повышения квалификации ФГКОУ «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» (Хабаровск) и др.

REVIEW OF THE MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE IN THE FORM OF A “ROUND TABLE” OF JOURNALS “STATE AND LAW”, “LEGAL POLICY AND LEGAL LIFE” ON “STRATEGIC DIRECTIONS OF COMBATING CRIME AT THE NATIONAL AND TRANSNATIONAL LEVELS”

© 2019 A. V. Malko^{1, *}, V. A. Avdeev^{2, **},
N. V. Krotkova^{3, ***}, S. V. Rozenko^{2, ****}

¹ *Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*

² *Law Institute of Yugra state University, Khanty-Mansiysk*

³ *Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
Journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

* *E-mail: i_gp@ssla.ru*

** *E-mail: vadim.avdeevich@mail.ru*

*** *E-mail: krotkova2012@yandex.ru*

**** *E-mail: rozenko_sv@mail.ru*

Received 06.07.2018

The review of the International scientific and practical conference in the form of a “Round Table” of the journals “State and Law” and “Legal policy and legal life” on the topic “Strategic directions of combating crime at the national and transnational levels”, which was held on May 21, 2018 at the Law Institute of the Yugra state University.

The relevance of the publication of these materials is due to the importance of strategic directions of combating crime in the context of globalization of international life. The purpose of the round table is to analyze the state, structure and dynamics of crime at the regional, national and transnational levels, develop and implement constructive proposals for the modernization, optimization and harmonization of crime prevention measures. The participants of the “Round Table” discussed various approaches of state and legal policy in the sphere of combating crime at the regional, national and subnational levels. The speeches substantiate the role and importance of measures of criminal law and organizational and practical nature, along with critical comments new proposals for the development of criminal law policy in the field of prevention, prevention and combating specific types of crime. Special attention is paid to the practical importance of the issues and problems to be solved.

Key words: nationality, citizenship, Spain, terminology, classification, types of nationality, nationality by origin, modes of acquisition of nationality, naturalization, Civil Code.

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич Малько — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН

АВДЕЕВ Вадим Авдеевич — доктор юридических наук, профессор, руководитель научной школы Юридического института Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск

КРОТКОВА Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН, Москва

РОЗЕНКО Станислав Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, директор Юридического института Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск

Authors' information

MALKO Alexander V. — Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

AVDEEV Vadim A. — Doctor of Law, Professor, head Scientific School of the Law Institute of Yugra state University, Khanty-Mansiysk

KROTKOVA Natalya V. — PhD in Law, Leading Research Fellow, Constitutional Law and Constitutional justice, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences, Moscow

ROZENKO Stanislav V. — PhD in Law, associate Professor, Director of the Law Institute of Yugra state University, Khanty-Mansiysk